

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА КАК ЦЕННОСТИ И ПРАВОВОГО ФУНДАМЕНТА НОВОГО МИРОВОГО РАЗВИТИЯ

ЧАБА ВАРГА¹

Как интеллектуальные продукты, так и многие технические решения нашего цивилизационного развития на сегодняшний день ставят вопрос об их универсальности или специфичности для времени и места. Западная цивилизация, наша европейскость, с самого начала выступала за универсальность, поскольку и наша господствующая христианская традиция, и Просвещение, послужившее колыбелью многих современных идей, которыми мы живем, связывали их с человеком как таковым в качестве базовых потребностей. С одной стороны, как утверждает антропология, «человек биологически един». Но с другой стороны, та же антропология все же более строга в своей концепции. В одном из самых классических документов говорится, что «стандарты и ценности относительно к культуре, из которой они проистекают», и что, следовательно, не существует человека абстрактного – то есть, в общем, в чисто биологическом смысле, – а есть только тот, кто живет в своем сообществе и, следовательно, в своей культуре. В реальном смысле или в культурно-антропологическом смысле, который выходит за рамки биологической антропологии, ни один из них не является универсальным. Соответственно, в заключении говорится: «Только после того, как будет сформулировано право людей жить в соответствии со своими традициями

---

¹Почетный профессор-исследователь Института правовых исследований Венгерской академии наук и Католического университета Петера Пазмани (Будапешт), доктор философии. Приглашенный профессор многих университетов Австралии, Японии, Шотландии, Соединенных Штатов, Италии, Германии и России. Автор пятисот работ, опубликованных в том числе на английском и русском языках, среди которых «Кодификация как социально-историческое явление», «Место права в концепции мира Лукача», «Теория судебного процесса» и «Парадигмы юридического мышления». Обладатель высшей венгерской государственной награды за научные достижения. Советник премьер-министра Венгрии (1990–1994).

[...], можно будет перейти к следующему шагу – определению прав и обязанностей групп людей по отношению друг к другу».²

Это явно не констатация невесомой и неинтересной истины в условиях становления нового многополярного миропорядка и уж тем более не в контексте интеллектуальных продуктов и технических решений цивилизационного развития, которые, хотя и отстаивают ценности, определяющие конечный этос права и правотворчества, призваны служить поддержанию и расширению однополярности, насколько это возможно и именно в рамках глобализма, управляемого Соединенными Штатами и в их интересах.³

(Верховенство права) Идея верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, стала одним из главных лозунгов международной политики в последние десятилетия, в то время как ее концептуальное содержание обсуждалось, особенно в Венгрии, с начала так называемого перехода к верховенству права в этом регионе. К этому времени основные академические и политические круги Западного полушария уже универсализировали ее как закрытую и абстрактную концепцию, которая является минимумом, который должен быть достигнут в любой точке мира, поскольку она служит критерием для государственных институтов, прав человека и всех тех ценностей, которые Западная Европа и англо-американский мир, как оказалось, просто придерживаются. Эта ситуация – далеко не местная особенность, новая или сугубо венгерская характеристика. Ее генезис совпал с распадом Советского Союза и навязыванием глобализации американского типа новому однополярному

² [Исполнительный совет Американской антропологической ассоциации] «Заявление о правах человека» *Американский антрополог* 49 (октябрь – декабрь 1947 г.) 4, часть 1, стр. 539–543, стр. 541, 542 и 543.

³ В качестве примера немедленного и беспринципного использования ситуации силового превосходства в любой момент можно привести лишь случай из прошлого несколько десятилетий назад: Чаба Варга «Провал крестового похода: Самоуверенность Америки, катастрофа России» (Центральноевропейское обозрение политических наук 8 (Лето 2007), № 28, 71-87).

миру. Практически с момента окончания холодной войны и однополярности мира Организация Объединенных Наций вместе с ее всевластными экономическими и финансовыми организациями, а также внешняя политика Соединенных Штатов и политические, административные и судебные центры Европейского союза использовали ее как средство глобалистской, соответственно федералистской, экспансии со своими ценностями, государственными структурами и концепцией прав человека.

Что касается концептуальности верховенства права, или *Rechtsstaatlichkeit*, то это обширный идеал со многими ценностями, к которому можно подойти только путем прагматичного взвешивания и балансирования в каждом конкретном случае, готового к компромиссу в любое время, с целью достичь оптимального решения для каждой отдельной ситуации и случая. Поскольку, учитывая сложность системы с ее противоречивыми ценностями, в любом случае при равной поддержке возникнут внутренние столкновения. Более того, эта концепция не может быть провозглашена универсальной моделью. Это может быть только решение проблем в рамках конкретного сообщества, то есть государства или международного образования, которое является ответом на вопросы, возникшие в их собственном месте и времени, в собственном контексте. Или же сама идея *по определению* связана с интересами одной группы, она не может быть универсализирована как абстрагированная от конкретности любого из ее проявлений *здесь и сейчас*. Рассматривая разнообразие правовых систем в современном мире в сравнительно-исторической перспективе, можно понять, что они должны быть особенными хотя бы потому, что предполагают правопорядок, основанный на правилах, который на самом деле характерен только для законов, уходящих корнями в римское право, и поэтому далеко не универсален.

Итак, если суммировать то, что мы знали об этой концепции, когда она появилась век или два назад, и то, что новая однополярная держава сейчас пытается навязать остальному миру, то мы сталкиваемся с новым явлением, поскольку за это время оно трансформировалось.

Это составляло серьезное отношение к праву. В континентально-европейском варианте она означала необходимость того, чтобы закон связывал власть, принимающую закон, и всех его адресатов, а в англосаксонском варианте – необходимость того, чтобы суд был уполномочен говорить и приводить в исполнение то, что в конечном итоге является правом в любом споре. В конечном счете, это было не более чем выражение нашего цивилизационного самовосхваления в области права, идеала, к которому мы все стремимся: каждый из нас в своей практике, в условиях, которые только что были предоставлены нам в постоянно меняющихся ситуациях вызовов и ответов, которые должны определить наше существование. Ее проявления (формы, акценты и модусы) подобны здесь и там: они демонстрируют большое разнообразие, более того, большую приспособляемость, тоже в своем внутреннем развитии. Конечно, они тоже меняются с течением времени. Таким образом, в своем возникновении и развитии идея верховенства права и *Rechtstaatlichkeit* охватывает весь опыт, накопленный в цивилизационном самообустройстве, доступном в рамках функционирования государства, опыт, который всегда подпитывался различными ответами на меняющиеся вызовы конкретных мест и времен. Таким образом, она никогда не была чем-то иным, кроме как по своей сути зависимой от контекста и, следовательно, неизбежно специфичной, зависящей от ее культурной (и т. д.) среды. Хотя существующие (и, в принципе, взаимные) процессы обучения между нациями и эпохами могут пытаться проецировать ее как универсальную, но сама по себе формулировка этого не обязательно предполагает нечто большее, чем естественную потребность в

самооправдании тех, кто участвует в экспорте жизненно необходимых для Запада ценностей.

В то время, когда Запад использовал лозунг верховенства права как символ своего превосходства в противостоянии времен холодной войны, он использовался только для обозначения, описания и характеристики. Сейчас, с ростом глобализации, когда, согласно собственным заявлениям Запада, мировая экономика требует единой нормативно-правовой среды, а Европейский союз приступил к централизованному строительству империи, официальная мантра становится все более настойчивым требованием идеи верховенства права, но на этот раз уже применяемым в качестве нормативного критерия.

Каково содержание? Идею верховенства используют так, как если бы это был юридический инструмент, инструмент для воплощения в жизнь давно известного идеала во всем мире. Но обманчиво, потому что теперь она попала в политическую среду тех, кто принимает решения в мировых державах, и таким образом перешла из юридической в политическую плоскость. С идеей верховенства права появилась возможность и последующая практика постоянно расширять ее содержание по усмотрению специалистов, пытаясь впихнуть свои сегодняшние и завтрашние инновации в ту самую схему, которая была признана вчера. Как будто сознательная приверженность государства статус-кво ante автоматически распространяется на случайность любого статус-кво post. Но то, что идея верховенства права свободно расширяется и изменяется таким образом, также является признаком фактической бессодержательности этого утверждения. Поэтому не случайно, что и сама концепция кажется ее сторонникам внутренне пустой.

И действительно, даже если метаморфозы превратили ее из дескриптума в прескриптум и, таким образом, в критерий для оценки реально работающих правовых систем извне и сверху, они не смогли

изменить основную природу самой нормы права. Дело в том, что по своей природе это не классовое понятие с границами, которые можно провести с точной четкостью на основе определения, а так называемое понятие порядка, которое может быть описано только путем характеристики и примера, проиллюстрированного серией проявлений различных явлений и характерных свойств.⁴ Иными словами, если воспользоваться другой терминологией из литературы по философии и логике науки, основополагающая природа правового государства заключается именно в его неизменности и существенной спорности.⁵ Это то, что, с одной стороны, свободно и постоянно расширяется конкурирующими институциональными и авторскими формулировками. И в то же время, и с другой стороны, это та основная черта, которая, конечно же, является предпосылкой для неизменного служения правового государства идеалу человечества, верящего в верховенство права или *Rechtsstaat*, несмотря на меняющиеся обстоятельства.

Его содержание, даже при самом узком юридическом понимании подлинно основных составляющих элементов, представляет собой запутанный ансамбль ценностей, целей и процедурных путей, которые, поскольку они естественным образом направлены в разные стороны и, кроме того, находятся в противоречии друг с другом, если на них делается одинаковый или односторонний акцент, требуют взвешивания и балансирования в каждой конкретной ситуации – хотя бы потому, что максимизация любой из них без такого компромисса или даже попытка или поддержка их полного удовлетворения привела бы к их взаимному

---

⁴ См. Карл Г. Хемпель и Пауль Оппенгейм «Концепция типа в свете новой логики» (Лейден: Сийтофф, 1936) vii+130 стр.; Пауль Оппенгейм «От концепций класса к концепциям порядка» в ред. Байера, Раймонда. Подготовка к IX Международному философскому конгрессу: Конгресс Декарта, изд. Раймонд Байер, том 9 (Париж: Герман, 1937), стр. 69-76 [Актуальные научные и промышленные вопросы, 530]; Густав Радбрух «Классовые понятия и понятия порядка в юридическом мышлении», Международное обозрение теории права XII (1938) 1, стр. 46-54.

⁵ См. Уолтер Брайс «Сущностно оспариваемые понятия» Труды Аристотелевского общества (1955-1956) 56, с. 167-198.

уничтожению. Следовательно, верховенство права – это не категория, на выполнение которой можно ответить простым «да» или «нет», а идеал, направление, к которому мы должны стремиться при любой актуализации права. Каким образом? Как он заключается, противоречиво и компромиссно. Ибо только индивидуальное решение ситуации тогда и там, ответственное и чуткое рассмотрение ее *здесь и сейчас* может создать некий тогда и там оптимальный баланс.

В самой природе нашей темы заложен тот факт, что ни идея верховенства права, ни *Rechtsstaat* никогда не были и в своем нынешнем, граничащем со злоупотреблением, обращении никогда не становились действующим понятием в праве. Таким образом, она не является операциональным термином, поскольку ни в целом, ни в отдельных ее компонентах не содержится определений фактов, которые, составляя юридический случай в праве, позволили бы определить ее распространенность или нераспространенность в праве, а значит, установить и доказать ее факты в суде. На самом деле ни внутригосударственный, ни международный порядок ни одного государства или международной организации до сих пор не дал такого определения, и эти органы, ссылаясь именно на эту концепцию, сегодня выдвигают политические и экономические требования или даже используют шантаж в качестве средства вымогательства.

Это, очевидно, относится и к политико-идеологическому расширению концепции верховенства права, когда демократия, права человека и либерализм с другими ценностями добавляются к списку требований под эгидой верховенства права в качестве неперенных компонентов. Ибо это не означает, что кто-то может заявить о приверженности верховенству права в прошлом в качестве оправдания для

последующего принятия произвольного расширения (дополнения и/или изменения) в более поздние времена.⁶

(Случай с правами человека и смешением неправительственных организаций, служащих политическому проникновению, с подлинными формациями гражданского общества) Проблематика прав человека была бы просто отдельным вопросом, если бы не была связана с современными основными стереотипами верховенства права, якобы предполагающими их в качестве основополагающих частей. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и здесь есть, так сказать, параллельные черты. Например, трансформация этого понятия, поскольку либеральная элита западного мейнстрима больше не рассматривает права человека ни просто как фундаментальные права, необходимые для существования и жизни человека, ни как зонтик, защищающий личность от засилья государства, а как абсолютизирующее расширение вседозволенности-и-распущенности с исключительным акцентом на неограниченную автономию личности в любых обстоятельствах и в любое время. Так, например, содержание прав человека рассматривается любыми меньшинствами или группами интересов как свободно расширяемое в их борьбе и для их борьбы. И такова глубинная природа прав человека, состоящих не более чем из высокопрогнозируемых искусственных сущностей. Ведь, по сути, права человека в их теоретической реконструкции – это просто некая транслируемая проекция желаемых идей, которые на самом деле соответствуют действиям тех, кто мотивирован поступать так, как они подразумевают. Это также поднимает вопрос об универсальности или специфичности: мейнстрим стремится

---

⁶ Ср. Чаба Варга «Верховенство права – оспаривание» (Будапешт: Институт сравнительного правоведения имени Ференца Мадля, 2021) 408 стр. и <<https://mek.oszk.hu/22800/22867/22867.pdf>>.

продемонстрировать свой универсализм как идеологическое обоснование своего желания занять доминирующее положение во всем мире.⁷

В то же время международная концепция демократии все больше основывается на взаимности, которая не довольствуется функционированием государственного аппарата, определяемого пропорцией голосов на соответствующих выборах, а ставит осуществление национального суверенитета под прямой совместный контроль неправительственных организаций, которые решительно провозглашаются представителями гражданского общества. Однако на кону здесь не что иное, как неправительственные организации, которые как бы скрыты в общей концепции подлинно гражданских образований и используют потенциал последних, нейтральный и в то же время полезный и содействующий общему благу для всех, в своих собственных чуждых целях, обслуживая внешнеполитические интересы. Не имея демократического представительства или мандата, эти организации-агенты, созданные, финансируемые и управляемые иностранными правительствами или другими центрами политического или финансового капитала, пытаются доминировать в сфере принятия фактических решений и определять курс принимающей страны, внедряясь во внутреннюю политику. И, как показывает богатая коллекция материалов, американский профессиональный анализ уже признал, что то, что в эпоху холодной войны было миссией секретных служб, теперь может быть открыто взято на себя и выполнено такими неправительственными организациями в странах-объектах.⁸ Или, как утверждает самовосхваление⁹ Сороса, со

---

⁷ См. Чаба Варга [Csaba Varga] *Загадка права и правового мышления* Избранные произведения; Сост. и науч. ред. М. В. Антонов (Санкт-Петербург: Издательский Дом «Алеф-Пресс» 2015), «Природа прав человека», especially pp. 224–230.

⁸ For James Corbett 'How the US Uses NGOs to Destabilize Foreign Governments' (August 8, 2015) <http://theinternationalforecaster.com/topic/international_forecaster_weekly/How_the_US_Uses_NGOs_to_Destabilize_Foreign_Governments>, «Эти организации представляют собой «тройных коней»: они созданы для того, чтобы казаться подарками, но содержат секретные двери-ловушки, через которые скрытые силы могут проникнуть в страну и тайно подорвать соответствующие правительства. [...] [Такие организации – главные кандидаты на контрабанду тайных оперативников в иностранные государства».

времен падения коммунизма историю Центральной и Восточной Европы можно основательно прочесть из хронологии действий «Открытого общества».¹⁰

(Формализм) Формализм – это именно тот критерий, который отражает саму природу права. И именно это придает праву специфичность. Ведь именно право, исходя из самого себя и обращаясь к самому себе, в конце концов определит и обеспечит свою собственную систему исполнения.¹¹ Таким образом, основное требование верховенства права заключается в том, что для устранения возможности произвола каждый правовой акт должен быть юридически оформлен.

Однако это самое основное требование верховенства права не лишено последствий, по крайней мере в современном мире, который находится в бешеном стремлении к совершенству. Например, чтобы достичь или даже приблизиться к этому, оно поощряет все большую и большую юридикацию и, как предпосылку для этого, все большее производство норм. Как специфическое массовое поле государственного вмешательства это касается, прежде всего, осуществления исполнительной власти, что неизбежно приведет к повсеместному разрастанию массива права с неизбежной инфляцией норм.

Или согласно Уильяму Блюму Государство-изгой Путеводитель по единственной в мире сверхдержаве (Монро, Ме.: «Коммон Коредж Пресс» 2000), р. 180., «Многое из того, что мы делаем сегодня, было тайно сделано 25 лет назад ЦРУ».

⁹⁹ Как признают авторы книги «Парадоксы непредвиденных последствий» под ред. Г-на [Ральф] Дарендорфа и др. (Будапешт – Нью-Йорк: Издательство Центрально-Европейского университета 2000), 233, а Андерс Ослунг в книге «Построение капитализма: трансформация старого Советского блока» (Кембридж – Нью-Йорк: Издательство Кембриджского университета, 2002), стр. 438 подтверждает: «Таким образом, история посткоммунистической трансформации в значительной степени является историей фондов Сороса».

¹⁰⁰ Чаба Варга «Ассоциации гражданского общества против так называемых неправительственных организаций» Гражданское обозрение [Будапешт] 16 (2020), Специальный выпуск, стр. 212-225 и <<https://eng.polgariszemle.hu/current-publication/157-excerpts-from-hungarian-history-and-scientific-life/981-civil-society-associations-vs-so-called-non-governmental-organisations>>

¹¹ Это «замкнутая система», категория посмертной онтологии; ср. Место закона в концепции мира Луки [1985], 3-е {переизданное} изд. с послесловием (Будапешт: Общество Святого Стефана, 2012) и <<http://mek.oszk.hu/14200/14249/>>, гл. 5.

В качестве яркого примера можно привести французскую литературу по публичному праву, в которой это рассматривается как одна из опасностей или даже самая большая угроза для их собственной конституционности. Это уже породило ложную связь между верховенством права и полнотой правового порядка как такового,¹² согласно которой желательная гарантия верховенства права предполагает как бы наиболее полное регулирование всех жизненных обстоятельств. И будущее, которого она не сможет избежать, несомненно, будет нестабильным, со все большим ослаблением правовой определенности. Более того, любая самонакапливающаяся масса правил так и вызывает к постоянно увеличивающимся изменениям в законодательстве, которые, к тому же, влекут за собой тяжелые побочные эффекты. Однако фактический путь, который может привести к этому, остается – и должен оставаться – неизбежно не критичным, потому что он будет заранее оправдан с самого начала, поскольку все это может быть и будет сделано именно в духе и на службе того самого «верховенства права».¹³ В результате всего этого французский *Conseil d'État* уже заявил, что «само право станет скорее угрозой, чем защитой».¹⁴

Как отмечали другие, формалистический позитивизм правил остается в основном прямым слугой государственного интереса, воплощенного в регулировании, вместо того чтобы способствовать возможной реализации индивидуальной свободы. Как следствие, подлинное и непосредственное служение людям как высшее призвание юриспруденции остается без критериев. Это происходит потому, что

---

¹² См. Чаба Варга «Правовой менталитет как компонент права: рациональность, доведенная в Америке до анархии» Юридический журнал [Тыргу Муреш] XVI (2013) 1 (№ 52), стр. 63-77 <<https://ideas.repec.org/a/pmu/cjurid/v52y2013p63-74.html>>.

¹³ Бернард Луизин «Миф о государственном праве в Европе» 2 (2016) 37, стр. 155-182 & <<https://www.cairn.info/revue-civitas-europa-2016-2-page-155.htm?contenu=article#re35no35>>.

¹⁴ Государственный совет, «юридическая безопасность» [ежегодный публичный отчет за 1991 год] [in:] исследования и документы (французская документация) (1992) 43, стр. 20 [«право больше не рассматривается как защита, а как угроза»].

представление права как абстракции, выводимой из правил, неизбежно изолирует всю формацию от реальных социальных процессов.

Наконец, если курс становится культом самого себя, он может способствовать снижению индивидуальной инициативы, навязывая единую схему мышления, что может быть равносильно своего рода добровольному интеллектуальному *self-Gleichschaltung*, что, как уже говорилось, приведет к «закрытию способности к независимому моральному мышлению». ¹⁵

(*Заключение*) Идеал, который мы все стремимся реализовать все полнее и полнее в нашем цивилизационном самовозвеличивании, вновь утверждается, ибо это тот же самый идеал, который вытекает из наших правовых традиций, а также из всей полноты и логики нашего правового развития.

---

¹⁵ Ср. Чаба Варга «Правовое государство, верховенство права - ожидания, критика и природа претензий» в книге «Верховенство права» под ред. Гжегожа Пастушко (Warszawa: Wydawnictwo Instytutu Wymiaru Sprawiedliwości 2023) & <https://wydawnictwo.iws.gov.pl/wp-content/uploads/2023/05/RuleOfLaw_DRUK.pdf>, pp. 13–58.